

Р. Б. ТАРКОВСКИЙ

О системе пословного перевода в России XVII в.

Исследование древних переводов не начинается сопоставлением с иноязычными оригиналами, ибо и самый текст перевода, и его иноязычный оригинал обыкновенно еще предстоит установить. Основательность исследования тут прежде всего зависит от достоверности самих объектов сопоставления. Затерянность же авторских оригиналов и многовариантность сохранившихся как переводных, так и иноязычных текстов делают такое установление для медиевиста не всегда и не во всем выполнимой задачей. Положение тем беспросветнее, чем меньше у исследователя списков. Но и в лучших случаях коррекция тут обоюдосторонняя: выделение наиболее раннего текста перевода ориентирует в поисках его источника среди редакций и вариантов иноязычного памятника, что, в свою очередь, может послужить критической реставрации каких-то элементов текста переводного. Пока же такая работа не выполнена (или невыполнима), квалификация перевода и, тем более, разграничение труда переводчика и повелений переписчиков остаются по меньшей мере гипотетическими.

Конечно, проникновение в профессиональные приемы древних переводчиков также позволяет с известной вероятностью выделить, а то и восстановить некоторые первоначальные конструкты перевода. Но возможности таких реставраций ограничено локальны и основа их чрезвычайно зыбка, ибо повествовательная адаптация переводов под пером и переводчиков, и переписчиков во многом аналогична, тогда как манера и характер самих древнерусских переводов, — от буквалистски дословных и до свободных пересказов и компиляций, — весьма многообразны и зависят как от идеологического и функционально-жанрового ранга памятника, так и профессиональной выучки и опыта переводчиков.

Вместе с тем на Руси были, отнюдь не редкостью и повторные переводы (как и повторные выверки прежних переводов). И распознать, столкнулся ли исследователь с новым переводом или всего лишь с иной редакцией единственного перевода, — не всегда и не так уж просто. Дело еще сложнее, когда предполагаемых переводов несколько. Во всяком случае на фоне многочисленных и зачастую весьма далеких одна от другой редакций, разнящихся между собой даже больше, чем могли бы разниться самостоятельные переводы, констатация существования нового перевода (или еще одной редакции прежнего) требует несравненно более весомых филологических доказательств, нежели субъективные впечатления исследователя.

Отсюда понятно, почему относительно удобными и даже традиционными объектами исследования оказались переводы конфессиональных, особенно канонических, памятников, старательная, по преимуществу по-

словная, передача которых древними переводчиками (а затем и копирование переписчиками) определялась и поддерживалась опасениями быть обвешенными в еретичестве.

Однако по меньшей мере неисторично представлять пословность славяно-русских переводов каким-то оценочным жупелом, как и неправомочно отождествлять внутренний аппарат пословного перевода с лингвистической беспомощностью или профессиональным примитивизмом. Тут показательно отношение к переводам чудовского инок Евфимия — предполагаемого автора интереснейшего сочинения «О исправлении в преждепечатных книгах Минеах неких бывших погрешений в речениях» (1692 г.). Отрицательные оценки переводов Евфимия щедро рассыпаны в «Описаниях славянских рукописей Московской синодальной библиотеки» А. В. Горского и К. И. Невоструева.¹ Здесь обвинения и в насилии над русским языком,² и в «темноте» и невразумительности перевода,³ и в «рабском следовании греческой букве».⁴ Однако оба ученых библиографа словно не замечают логики приводимых ими же фактов, профессиональной и идеологической принципиальности их: что «буквализм» этот сопровождается не менее как сопоставлением нескольких изданий и списков греческого текста и текстологической критикой самих переводимых оригиналов,⁵ а также неперменным учетом опыта предшествующих переводов, латинских и русских,⁶ не говоря уже о крайней осторожности чудовского инок в истолковании содержания оригинала⁷ и в выборе вариантов перевода,⁸ тщательности и кропотливости его труда.

Тем примечательнее профессиональное мнение о евфимиевском переводе творений Симеона Солунского (в рабском следовании греческому тексту которого как раз и обвиняли Евфимия Горский и Невоструев) переводчиков того же текста в середине XIX в., утверждавших, что перевод Евфимия «и вообще очень хорош»; «язык его правилен и довольно ясен, хотя и не везде точно выражает мысль подлинника».⁹

Исследований церковных переводов в славистике немало. И тем не менее, что касается раскрытия профессиональных приемов и техники древних переводов, то такие исследования, — по довольно суровому заключению современного слависта, — «представляют собой не более как кодификацию соответствий или, напротив, расхождений между славянскими переводами и греческими источниками».¹⁰ «Если же обратиться к попыткам осмысления самих механизмов или процедуры перевода, то здесь в литературе вопроса мы практически ничего, кроме оценочных суждений, не имеем».¹¹

Тем существеннее рассмотреть механизмы светского перевода, не скованного теологическим догматизмом и несравненно полнее и свободнее раскрывающего как общие традиции переводческого ремесла, так и про-

¹ [А. В. Горский и К. И. Невоструев]. Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки, т. III, отд. II, ч. 2. М., 1859; т. IV, отд. II, ч. 3. М., 1862.

² См.: там же, т. III, отд. II, ч. 2, стр. 12, 67, 118.

³ См.: там же, стр. 67, 104, 484.

⁴ См.: там же, стр. VII, а также стр. 11, 493.

⁵ См.: там же, стр. 101—102, 365; т. IV, отд. II, ч. 3, стр. 293.

⁶ См.: там же, т. III, отд. II, ч. 2, стр. 11—12, 44, 102, 484—485, 600—601.

⁷ См.: там же, стр. 67, 119, 601; т. IV, отд. II, ч. 3, стр. 459, 477, 811.

⁸ См.: там же, т. III, отд. II, ч. 2, стр. 493; т. IV, отд. II, ч. 3, стр. 407, 489.

⁹ Писания св. отцев и учителей церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения, т. 2. СПб., 1856, стр. 7 и 9.

¹⁰ Е. М. Верещагин. Из истории возникновения первого литературного языка славян. Переводческая техника Кирилла и Мефодия. М., 1971, стр. 5.

¹¹ Там же, стр. 8.

фессиональную изобретательность и находчивость самих переводчиков. Но, конечно, предметом анализа тут должен стать прежде всего квалифицированный труд, исполненный образованными и соответственно подготовленными переводчиками, а не работа случайных лиц, подчас даже толком не знавших русской письменной речи.¹²

Специфические проблемы древнерусского перевода порождаются и существованием двух типов литературно-письменного языка — славяно-русского («церковнославянского») и народно-литературного, в их многообразном взаимодействии и взаимопроникновении. В повествовательно-беллетристических жанрах ориентация на тот или иной литературно-языковой тип неизбежно связывалась не только с функционально-жанровыми или экспрессивно-стилистическими факторами и комплексами лингвистических «опозиций», но и с самой манерой словесного мышления и совершенно иначе направленными структурно-образными системами. Тут противостоят даже не столько строевые элементы языка, сколько сами способы развертывания мыслительного содержания и образная атмосфера повествования. Однако наблюдения этого рода уже выходят за рамки данной статьи, посвященной лишь технологическим основам пословного перевода, но не затрагивающей ни речевой, ни повествовательно-стилистической, ни тем более эстетической адаптации переводного текста.

1. Пословное следование оригиналу как профессиональная норма перевода

«Притчи, или Баснословие Езопа Фриги», переведенные в 1607 г. с древнегреческого толмачом Посольского приказа Ф. К. Гозвинским, обладают всеми признаками пословной передачи оригинала — текста так называемой Аккурсианы, как он представлен во множестве европейских изданий XVI в., начиная с миланского издания Альда Мануция. Пословная передача источника может быть проиллюстрирована любым связным текстом:¹³

16. αἴλουρος καὶ ἀλεκτρούων. αἴλουρος συλλαβὼν ἀλεκτρούονα μετ' εὐλόγου
 5. О коте и о алекторе. Кот пойма алектора, со благословною
 τοῦτον αἰτίας ἠβουλήθη καταφαγεῖν. καὶ δὴ κατηγορεῖ αὐτοῦ λέγων, ὡς ὄχληρός
 сего виною хотяше снести. И обличая его, глаголя, яко тяжел
 εἶη τοῖς ἀνθρώποις νύκτωρ κεκραγῶς καὶ μὴ συγχωρῶν ὕπνῳ τυγχάνειν.
 еси человеком, ношью вопия, возбращая им и сна насытитися.
 τοῦ δ' ἀπολογουμένου ἐπὶ τῇ ἐκείνων ὠφελείᾳ τοῦτο ποιεῖν.
 Алектору же отвечавшу, яко к человечестей пользе сие творит,
 ὡς ἐπὶ τὰ συνήθη τῶν ἔργων ἐγείρεσθαι, πάλιν ὁ αἴλουρος αἰτίαν
 еже бо на обычная их дела возбуждает. Паки кот ину вину
 ἐπέφερεν, ὡς ἀσεβῆς εἶη περὶ τὴν φύσιν μητρὶ καὶ ἀδελφαῖς
 наносит, яко [нечестив] еси [и] нечист естеством, матери и сестрам

¹² См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, стр. 42—44.

¹³ Источники текста Гозвинского — списки первой редакции перевода, из которых здесь цитируются: ГПБ, собр. Погодина, № 1964 (индексом не отмечается) и № 1604 (далее — П¹); ГПБ, Q.XVII.272 (далее — Q) и ГБЛ, собр. Тихонова, № 229 (далее — Т¹). Лексические искажения и пропуски исправляются по другим спискам той же первой редакции. Восстанавливаемый текст заключается в квадратные скобки. Звездочками отмечены слова, передвинутые в русском тексте.

Греческий текст Аккурсианы и нумерация его басен дана по изд.: A. N. Hausgath. Corpus fabularum Aesopicarum, vol. I, fasc. 1—2 (cod. III-a). Lipsiae, 1957—1958.

συμμιγνόμενος. τοῦ δὲ καὶ τοῦτο πρὸς ὠφέλειαν τῶν δεσπο-
 присовокупляешься. Ему же: «и се на пользу своим господиям
 τῶν πράττειν φήσαντος πολλῶν* αὐτοῖς ἐντεῦθεν
 и владыкам [творити], — глаголаше, — и ради сего многия*
 ὧν τικτομένων, ὁ αἴλουρος εἰπὼν· „ἀλλ’ εἰ σύ γε πολλῶν εὐπορεῖς**
 яица родятся». Кот отвещав рече: «Но аще ты многая
 εὐπροσώπων ἀπολογιῶν, ἔγωγε μέντοι ἄτροφος οὐ μενῶ’
 благообразныя собираеши** ответы, аз же убо гладен сый, не жду», —
 τοῦτον κατεθινήσατο.
 и сего снеде.

ἐπιθύτιον· ὁ μῦθος δηλοῖ, ὅτι ἡ πονηρὰ φύσις πλημμελεῖν αἰρουμένη,
 Толкование: притча являет, яко лукаваго естество, согрешити хотяще,
 εἰ μὴ*** μετ’ εὐλόγου δυνηθείη προσχήματος
 аще со благословным не*** возможет образом, и****
 ἀπαρακαλύπτως γε μὴν**** πονηρεῖται.
 яве лукавнует (T¹).

Нетрудно отметить почти сплошную, бросающуюся в глаза аналогию построения древнегреческого и славяно-русского текстов, — вплоть до отражения синтаксических конструкций, — калькирование композитов, лексические грецизмы, — и, как следствие, структурную и лексическую симметрию текстов. Перевод регулярно слагается из тех же лексико-семантических компонентов, на которые членится его источник. И тем не менее в этом следовании структурам оригинала нет и признака лингвистической или профессиональной безоружности переводчика, нигде не постукившегося логической верностью перевода, равно как и повествовательной ясностью и точностью своей речи. Пословное отражение оригинала — это профессиональная норма перевода Гозвинского, как бы непосредственная и прямая передача иноязычного текста, которой Гозвинский обыкновенно и следует, пока и поскольку она не приходит в противоречие с повествовательными традициями славяно-русской речи. Отсюда типичная для пословных переводов полнота лексической передачи источника; лексическая и синтаксическая симметрия текстов; отточенное внимание к словоупотреблению оригинала и контекстуально-синонимическое варьирование перевода; семантические и структурные кальки. И сколь бы далеко такая зависимость подчас ни заходила, но для средневекового книжника точность пословной, а то и структурной, передачи оригинала являлась мериллом идеологической точности перевода. «Подобает истинно и право преводити от слова и до слова, ничто разума и речений премежня», — наставляет в многовековой профессиональной заповеди инок Евфимий.¹⁴ Подчинение тексту-источнику тут было прежде всего осознанием социальной ответственности переводческого ремесла и претворением определенных принципов перевода. «Тако подобает преписывати, паче же преводити от языка на язык, яко писаша сами святии отци древнии еллинским диалектом»; «... и не токмо речение, лежащее во Святом писании, пременити не безбедно есть, но и само строчное прешивание, запяту или точку не на подобающем месте положить — велику творит тщету и разум писания растлевет».¹⁵

¹⁴ См.: С. Браиловский. Очерки по истории просвещения в Московской Руси в (XVII) веке. Чудовский инок Евфимий. — ЧОЛДП, М., 1890, № 3, стр. 436.

¹⁵ О исправлении в преждепечатных книгах Минеях неких бывших погрешений в речениих. — ПДП, т. СХV, СПб., 1896, стр. 61.

Вместе с тем не следует игнорировать и тот факт, что многовековая практика еллино-славянских переводов не только выработала свои традиционные формы передачи греческих текстов, но и привела к известной структурной приспособленности славяно-русского языка к переводам именно с древнегреческого, — к лексико-семантическому, фразеологическому, синтаксическому, а отчасти и словообразовательному, сближению его с древнегреческим,¹⁶ что по особому осознавалось и не раз отмечалось древнерусскими книжниками.¹⁷ В том, как греческая фраза слово за словом укладывалась в структуры книжно-славянской речи, усматривался уже не просто залог непрерываемой адекватности перевода, но и высокая духовная миссия самой церковнославянской речи.

2. Полнота лексической передачи текста-источника

Ближайшим следствием пословного перевода была полнота лексического отражения оригинала. В «Притчах» текст Аккурсианы передан почти без каких-либо лексически существенных пропусков, общий объем которых едва достигает 60—70 слов, не больше. При длине греческого текста Аккурсианы приблизительно в 8600 знаменательных словоупотреблений подобное количество словарных пропусков и вовсе не приметно. Да и состоят они, как правило, в семантически малозначительных исключениях единиц полуслужебного и служебного характера с достаточной их конструктивной компенсацией, но очень редко из полнозначных имен и глаголов.

Так, более трети пропусков приходится на те или иные местоименные указания, особенно местоименно-наречные отметки последовательности фабульных событий (*αὐθις, μετὰ τοῦτο, πάλιν, πρῶτον*). Обнаруживаются пропуски служебных глаголов *γίγνομαι, δέω, μέλλω*. Так, глагол *δέω*, обычный в гномических формулах, Гозвинским передается как «подобати» (25 употреблений). Но там, где *δέω* подобной формулы не вводит и композиционно не актуализован, он лексически не передается, а его значение компенсируется конструктивно:

75. Помыслиша убити суцаго во дворе алектора (*ἐγγωσαν δεῖν τὸν ἐπὶ τῆς οἰκίας ἀποκτεῖναι ἀλεκτρούνα* — 55).

Понятно, что семантическая неравномерность перевода и оригинала, вызываемая подобными исключениями служебных и полуслужебных слов, практически ничтожна.

Не получают самостоятельного отражения в переводе семантически размытые или явно избыточные лексические единицы греческого текста; в частности же, когда двусловному обозначению греческого текста эквивалентно однословное славянское, — лексическая асимметрия перевода и оригинала уже обязательна:

45. . . . фиников (*φοινίκων βάλανους* — 223) купи и поиде — *T*¹.

Но *βάλανος* — тоже «финик».

140. Два алектора о курицах (*περὶ θηλειῶν ὀρνίθων* — 266) браняхуся. . . *θήλεια ὄρνις* — буквально «самка-птица».

¹⁶ Многочисленные замечания этого рода см.: Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, стр. 169, 171, 373—374, 424, 464, 522—523, 546—547, 553, 557. См. также: М. Р. Фасмер. 1) Греко-славянские этюды. II. Греческие заимствования в старославянском языке. — ИОРЯС, т. XII, кн. 2, СПб., 1907, стр. 197—289; 2) Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке. СПб., 1909; М. М. Копыленко. О греческом влиянии на язык древнерусской письменности. — Русская речь, 1969, № 5, стр. 96—103.

¹⁷ См.: В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. Изд. 2-е. М., 1938, стр. 7—10.

Однако наряду с асимметрией вынужденной, лингвистически предписанной, встречаются пропуски знаменательных слов и по инициативе переводчика, от его стремления к внутренней согласованности фабульных ситуаций, — принцип, отнюдь не отвергаемый практикой пословного перевода. К тому же и тут, парадоксировав, можно бы утверждать, что и в этих пропусках нет отступления от технологических основ пословного перевода, поскольку отказ от перевода тоже носит точечный, пословный характер.

Так, басня *κάλαρος καὶ ἐλαία* в Аккурсиане — не без некоторой несообразности — начинается спором, кто из пререкающихся обладает, помимо стойкости и силы, также и большим «спокойствием» (*ἡσυχία*). Последнего Гозвинский не переводит, и, по-видимому, преднамеренно, равно как смягчена тут же передача глагола *ἐρίζω* (т. е. «спорить», даже «ссориться») через куда более умеренное «беседоваху»:

138. О терпении и о крепости (*διὰ καρτερίαν καὶ ἰσχύον καὶ ἡσυχίαν* — 239) трость и масличина беседоваху (*ἡρίζον*).

Подобно и в басне об орле, высматривающем с высоты добычу, но пораженном стрелой охотника. Помещенный в Аккурсиане высоко-высоко (*ὑπεράνωθεν*), на самом верху скалы, он много доступнее для стрелка у Гозвинского:

114. На камени (*ὑπεράνωθεν πέτρας* — 273) орел сядяше... — Q.

Наконец, встречаются единичные, всего несколько раз, труднообъяснимые пропуски (если они вообще принадлежат переводчику, а не были дефектом одного из первых протографов), ибо какие-либо контрольные внутритекстовые сопоставления для них отсутствуют и ключ к ним либо в непонятности этих слов для переводчика, либо в какой-то случайности. Во всем же остальном ни одна (или почти ни одна) лексически полновесная единица Аккурсианы не минует корреспондирующего ей отражения в тексте перевода, — в форме ли обычных эквивалентов и аналогов или переводческих субститутов.

3. Конструктивная симметрия текстов и структурные отношения лексических аналогов

Но принципы пословного перевода не исчерпывались требованием лексической симметрии оригиналу. В известных пределах предписание «речь от речи хранить» распространялось также на отражение морфологических структур и фразовых конструкций и вело в переводе не только к тем из них, что истари культивировались еллино-славянским слогом как подобие греческих (одиночное отрицание вместо двойного; средний род множественного числа субстантивируемых прилагательных на месте единственного; композиты; член с инфинитивом; дательный самостоятельный), но и к более смелым калькам. Так появляются в «Притчах» инфинитивные конструкции, не присущие славянскому синтаксису, хотя и встречавшиеся в поздних переводах,¹⁸ к примеру — оборот *accusativus cum infinitivo* полнозначных глаголов:

61. Проминувшим же ловцом мало, елень совершенно уже проминути их мянще (*ἡ ἔλαφος τελῶς ἤδη λαθεῖν δόξασα* — 79), начат виноградное листвие ясти.

¹⁸ См.: К. Гадерка. Сочетания субъекта, связанного с инфинитивом, в старославянских и церковнославянских памятниках. — *Slavia, Praha*, гоґ. XXXIII, сеґ. 4, 1964, str. 528—530.

69. И егда уже мяше его проспати ся и прохмелити ся, пришедше и потолче во врата окопищная.

Регулярнее передается в переводе оборот *nominativus cum infinitivo*, особенно в конструкциях с «чужой речью»:

22. Возвращшу же съ повару и мяса ищущу и не обретшу; украдый кляся глаголя: не имети (*ὁ μὲν εἰληφώς ὤμνους μὴ ἔχειν* — 67).

123. . . и сей гласом убо кляшеса: ничто же видети.

Иногда же, но опять-таки в подобие греческому оригиналу, этот инфинитив «чужой речи» соотнесен даже не с номинативом, а с «дательным самостоятельным» — довольно обычной формой «вводящих слов автора»:

42. . . ему же: град созидати, — сказавшу (*τοῦ δὲ πόλιν κτίζειν φαρμένου* — 207).

Зависимость сложных слов текста Гозвинского от греческих композитов могла бы предполагаться уже из общей традиции славяно-русских переводов. Выдвинутые практикой средневековых книжников в ряд броских средств экспрессивной организации речи, сложения весьма привлекали внимание переводчиков,¹⁹ — и суммарная частотность употребления сложных слов в «Притчах» (134) лишь немногим уступает греческому оригиналу (143), хотя, конечно, структурный их круг в тексте перевода ограниченнее, беднее.

Немалая часть их без каких-либо расхождений воспроизводит модели греческих и вполне обычна для русских книжников: «благообразно» — *εὐ-μεῖδδως*; «благоразумие» — *εὖ-νοια*; «лжесловный» — *ψευδο-λόγος*; «сладкогласие» — *ἡδῆ-φωνία*; «сыроядец» — *ὤμο-βόρος*; «тщеславный» — *κενό-δοξος*, и подобные, всего 54 слова.

Примечательнее более редкие сложения, все с тем же отражением корневых компонентов и структурного каркаса греческих композитов, но не зарегистрированных ни у Берынды и Поликарпова, ни Востоковым, Миклошичем и Срезневским, хотя едва ли здесь что-либо принадлежит изобретательности самого Гозвинского; к примеру: «благоденствие» — *εὐ-μένεια*; «златородный» — *χρυσο-τόκος*; «идолотворец» — *ἀγαλματο-ποιός*; «любопустынный» — *φιλ-έρημος*; «скоротечный» — *ταχυ-δρόμος*, и некоторые другие.

Однако довольно часто перевод греческих композитов не знает столь полного параллелизма структурам оригинала, а то и асимметричен им: калькирование композитов ограничивалось как приемлемостью модели сложения, так и привычностью семантического сочетания наполняющих эту модель лексических компонентов. Тем не менее и при внутренней идиоматичности ряда греческих композитов, исключавшей их поморфемное копирование, Гозвинский переводит их все-таки сложным словом, хотя и по-иному образованным, например: *εὐ-τύχημα* — «благоденствие»; *γλωσ-αλία* — «блядословие»; *μεγαλο-πρεπής* — «великоименитый»; *πλεον-εξία* — «любостяжание», «любостяжательство». Но, конечно, это уже не калькирование, а в сущности своеобразная структурно-повествовательная компенсация перевода: передача одного сложного другим сложным, хотя и по-иному образованным. Когда же возможностей какой-либо структурной аналогии не находилось, а в церковнославянском искони установилась передача греческого сложения простым словом, Гозвинский следует обычной традиции: *εὐ-τελής* — «малый»; *εὖ-πορος* — «богатый»; *εὐ-φωός* — «художественно»; *εὐ-χερῶς* — «удобно»; *παν-ουργία* — «лукавство». И подоб-

¹⁹ См.: М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960, стр. 160 и далее.

ный перевод этих сложений, судя по «Материалам» И. И. Срезневского, известен уже в древнейших списках «слов» Григория Назианзина, Пандекта Антиоха, Ефремовской Кормчей, в Хронике Георгия Амартола.

По-иному складывается передача сложных глаголов. Их калькирование (если оно не сопровождалось именовым транспонированием) уже наталкивалось на структурно-языковые барьеры, — и в переводе Гозвинского сложные древнегреческие глаголы либо разлагаются как словосочетания, либо, когда их внутренняя форма идиоматична, передаются простым, однокорневым словом, уже без попыток воспроизвести опорную синтагму сложения.

Примеры аналитической передачи сложных глаголов: ἀνάξιο-παθεῖσα — «недостойная от них претерпеть»; νεοττο-ποιεῖσθαι — «гнезда своя сотворяет»; οἰκο-φύλαγεῖν — «хранит двора»; ἐτεκνο-ποίησατο — «чада породил», и некоторые другие.

Передача сложных глаголов простым словом: εὐ-πορεῖς — «собираеши»; σκοτο-διηῶσαι — «помрачевнахуся»; βασιλεὺς ὑπ' αὐτῶν ἐχειρο-τόνηθη — «царем ю поставиша».

Калькулирует же глагольные сложения Гозвинский лишь трижды, два из них опять-таки отыменные, а все три хорошо известны издревле: εὐ-εργετέω — «благодетельствовати»; μνησι-καχεῖν — «злопамятствовати»; φιλο-νεχεῖω — «любопретися».

Таким образом, ни механического буквализма, ни сколько-нибудь ощутимого насилия над естественными языковыми различиями при переводе греческих композитов здесь не улавливается, а пословность перевода еще не обрекает на прямолинейное копирование структур оригинала, равно как и на непрременную лексическую симметрию переводного текста тексту-источнику.

Лексическое расщепление происходило и при переводе аффиксальных образований, когда для них не было однословных аналогов в славяно-русском. Так, при переводе префиксальных глаголов с включенной обстоятельственной характеристикой процесса Гозвинский, не располагая однословными эквивалентами в языке перевода, просто прибегает к сепаративной передаче префиксального элемента еще одним словом: ἐπαν-ἦρετο — «вопрошаше же паки»; ἐπαν-ελθὼν — «паки пришед»; ἐπι-δραμόντος — «абие притекшу»; προ-ακηκοῦτα — «преже сего слышаша»; προ-ῆδυνθέντας — «прежде радующимся», и др.

Точно так же нетипичность для русского языка отыменных глаголов, особенно в его древний период, опять-таки наталкивает переводчика на словосочетания, в которых корневая морфема греческого глагола передается зависимым существительным со значением материально-объектной либо инструментальной характеристики процесса, без каких-либо попыток калькировать греческое словообразование: «все свое имение в серебре собрал» — ἐξαργυ-ρισάμενος; «с волка живаго кожу снем» — ἐκδεΐρας; «заигра во свирели» — ἦλοι; «секий некто дрова» — ξυλευόμενος τις, и проч.

Словосочетаниями передает Гозвинский и другие лексические единицы, семантически и структурно довольно различные, но объединяемые отсутствием однословных эквивалентов в славяно-русском, например ряд локально-обстоятельственных обозначений греческого текста: ἐπ' ἡμόρος (также κατὰ αἰγιαλὸν) — «при берегу морском»; ἐν σκότῳ — «на месте темнем»; τὴν ἄνοδον — «неисходное место», и др.

К тому же типу примыкает перевод греческих предложно-местоименных временных указаний их полуфразеологическими славянскими аналогами: ἐν τοσοῦτῳ δέ — «в то же время»; καὶ τοῦτο — «и от сего времени»; ἀπ'

ἐχείνου — «от одного времени»; καθ' ἑκάστην — «на всяк день»; πρὸς ὀλίγον — «по малех днех» (или «на малое время»); μετὰ μικρόν — «по немнозех днех», и др.

Таким образом, предписание «речь от речи хранить» как принцип пословного перевода реализуется не только в лексически полном отражении оригинала и в пословной симметрии переводного текста его иноязычному источнику, но и в структурном копировании этого источника. Однако в тексте «Притчей» подобное копирование — это уже не конструктивно-семантический, а скорее повествователь-стилистический фактор. Перевод следует по контурам греческой фразы лишь настолько, насколько это допускалось традициями еллино-славянских переводов, прежде всего — запасами установившихся структурных и семантических эквивалентов и аналогов. И там, где Гозвинский, казалось бы, насаждает греческие структуры, он в действительности пользуется лишь более или менее утвердившимися кальками.

В профессиональном же плане это было лишь возможно более сближенное с оригиналом использование выработанных еллино-славянской традицией структурных форм передачи греческого текста. И вместе с тем, несмотря на самое тщательное следование тексту Аккурсианы, Гозвинский сплошь и рядом поступает и пословной, и, тем более, конструктивной симметрией перевода, когда к тому побуждали нормы самой славяно-русской речи и когда отступления от подобной симметрии были и неизбежны, и естественно целесообразны.

4. Словоупотребление оригинала и перевод

И все же пословная, вплоть до структурного копирования, близость оригиналу — это прежде всего лишь технологические признаки тщательности перевода, тогда как решающим фактором тут было истолкование словоупотребления оригинала и передача его содержания в славянском тексте. Здесь-то и выявляется с полной очевидностью ориентация Гозвинского не на перевод изолированных слов или хотя бы препарируемых в составе словосочетания, а на смысловую оценку слова в контексте целого — от микроситуации и до рассказа в целом. Именно это объясняет и объединяет в профессиональных приемах Гозвинского внешне совершенно разнородные и словно бы даже противоречивые факты, как например эквивалентный перевод слова и выход за смысловые границы того же слова; варианты калькирования и отказ от так и напрашивающегося калькирования; двукратный перевод слова и пропуск его в переводе, и др.

Неодинаковый перевод Гозвинским одного и того же многозначного слова или, напротив, совпадающий перевод синонимов — естественны и обычны и не нуждаются в особом иллюстрировании. Стоит лишь разве отметить, что причинами синонимического варьирования тут могли быть не только семантические, но и фоностилистические мотивы, как например стремление обойти экспрессивно немотивированное столкновение омофонов. Так, греческое πάγη, παγίς («силок», «западня», «ловушка») Гозвинским регулярно переводится как «пасть» или, при переносном употреблении, как «пагуба». Но вот контексты, где передача παγίς как «пасть» натолкнулась бы на соседство с глаголом «впасти», — и Гозвинский явно постарался избежать ненужного ему стечения омофонов и выбрал иные варианты перевода:

6. Лисица в сеть (παγίδι — 17) впадши.

111. Она же приведши осла в некое в пагубное место (εἰς τινα πάγην — 203) впасти уготова.

Однако что более всего примечательно для пословного перевода — это очень нередкое, почти неперенное семантическое смещение и даже выход перевода за смысловые границы симметричной лексики оригинала, если так подсказывалось басенной ситуацией или сюжетом в целом. Из многих примеров ситуативной коррекции пословного перевода ограничусь примерами передачи двух слов: ἀναίρέω и ἀφαιρέω.

Восьмикратно встретившийся в Аккурсиане глагол ἀναίρέω полисемантический, представляя как бы два смысловых круга: «взять» — один и «уничтожить» — другой; но почти каждое употребление этого глагола Гозвинским переводится по-особому.

С значениями первого круга («поднимать» — «подбирать» — «брать» — «уносить») ἀναίρέω в греческом тексте связывается четыре раза, и дважды перевод может квалифицироваться как эквивалентный: «взяти». Но в двух других передача ἀναίρέω ситуативно смещается:

26. И похваляше облезяне, да пришед увидит и яко царю подобает сокровище собирати (ἄτε δὲ βασιλέα, τὸν θησαυρὸν ἀνελέσθαι — 83) — Q.

55. Некто же от ево раб увидев, помысли и ископав у краде (ἀνείλετο — 253).

Второй круг значений ἀναίρέω: «разрушать» — «уничтожать» — «умерщвлять» — «убивать» — «истреблять» — «сокрушать». И опять наряду с эквивалентным переводом («убиша» и «погубитися») ситуативно корректируемая передача:

136. Змей пред враты земледелателя гнездо изви и угрызе (ἀνεῖλεν — 51) детище его.

2. Ястреб же, видев [соловья] и брашна иного не имея, налетев и изыма и хотяше его снѣсти (ἡ δ' ἀναίρεισθαι μέλλουσα — 4).

Не менее многообразна передача глагола ἀφαιρέω («отнимать» — «избавлять» — «устранять» — «отделять» — «отсекать» — «убавлять», «уменьшать» — «снимать», «совлекать» — «уносить», «увлекать» — «мешать», «препятствовать»), из шести употреблений которого только одно передано эквивалентно: «изнесена». В четырех других случаях интерпретация перевода, как правило, более конкретна:

81. В пасеку или во пчелницу некто тать прииде..., мед с воском у краде (ἀφείλετο — 74) — T¹.

93. ...любостыжание и любоимение и ни к чесому же ползовательню, но и паче настоящая по губляет (ἀφαιρείται — 131). — Q.

119. (Пастырь к овцам, сжевавшим его платье): «О злейшая, — рече, — животная! Вы инем волну на ризу даруете, мне же, кормящему вас и радующему вами, ризу растливш!» (τὸ ἑλάτιον ἀφείλεσθε — 224) — Q.

77. Кошка... пилу железную лизаше языком..., мняше нечто железу вреди ти (ἀφαιρεῖν — 59), донележе и весь свой язык погуби.

И наконец еще в одном случае от передачи глагола ἀφαιρέω Гозвинский отказывается или, вернее, объединяет его с переводом другого, соседнего, глагола:

44. ...матери своей зубами ухо угрызе (τὸ οὖς τοῖς ὀδοῦσι δακὼν ἀφείλετο — 216; букв.: ухо, зубами укусив, оторвал).

Вместе с тем не излишне отметить, сколь широк круг внутренних корневых форм, привлекаемых Гозвинским для передачи одной и той же

греческой лексемы. Отсюда понятно, почему текст перевода по лексическому разнообразию (1985 слов) нисколько не уступает тексту Аккурсианы (около 1950 слов).²⁰

Ориентация на контекстуально-сюжетное осмысление передаваемого слова особенно очевидна, когда несовпадающий перевод одной и той же лексемы захватывает даже такие семантически детерминированные образования, как сложения. Их копирование в «Притчах», когда тому не препятствовали структурные ограничения, диктовалось стилистической оцутимостью этого типа слов для еллино-славянских переводов. Однако и здесь конкретная интерпретация греческих композитов и форма их отражения в переводе, помимо структурных моментов, репалась композиционно-сюжетным назначением слова.

Так, γεωργός — это, разумеется, «земледелец», как это слово пять раз и передано Гозвинским. Но любопытно, что ни в одной из включающих такой перевод притчей занятия персонажа (а следовательно, и его социальный паспорт) не имеют сюжетной необходимости. Ключ к выбору персонажа лишь в том, что γεωργός — это самая ходовая фигура античной басни после ἀνθρώπος и ἀνήρ. Но вот в притче, в которой шершни и пчелки просят у земледельца напиток, обещая в воздаяние помочь ему в хозяйственных хлопотах (вскопать огород, охранять урожай), и, таким образом, занятия персонажа тут необходимо принадлежат сюжетной ситуации, Гозвинский вместо готовой, традиционной кальки прибегает к семантически куда более выдвинутому расчленению композита на словосочетание:

48. Шершни и пчелелицы жаждою содержими к делателю земному (πρὸς γεωργὸν — 235) приидоша, у него пити просиша... Делатель же земной (ὁ δὲ γεωργός) рече: «Но убо [суть] у меня два вола, иже ничто же обещаеми вся творят, еже хошу; лутчи убо есть онема дати, нежели вама».

Сложение, даже окказиональное, — это как бы устоявшаяся (или хотя бы устанавливаемая) номинация. Она уже отвлекается от обстоятельств, в которых возникла, и не знает непереносимости к ним приуроченности. Напротив, словосочетание расчлененно выдвигает свои смысловые компоненты как обозначение, еще не отделимое от обуславливающих его мотивов, — и в этом смысле оно оцутимо большей ситуативной приуроченности, единичности.

Умение уловить и тонко дифференцировать в передаче одних и тех же композитов их более общее или более частное применение наглядно в переводах εὐεργέτης и εὐεργετέω, хотя каждое из них приходится на гномически нивелирующие контексты сентенций. В сентенциях, завершающих басни, нравственный смысл которых в обязательности нашей признательности опекающему покровителю, εὐεργέτης и εὐεργετέω — это «благодетель» и «благодетельствовати»:

61. Притча являет, яко обидящи благодетелей (τοὺς εὐεργέτας — 79) своих от бога мучими бывают.

119. ... мнози человецы неразумия ради ни в чесом же пользующих благодетельствуют (εὐεργετοῦντες — 224), своим же злая содевают.

²⁰ Напомню для сравнения, что объем словника древнеславянского перевода Хроники Георгия Амартола в сопоставлении с его греческим источником достигает лишь 80% и Хроники Иоанна Малалы — 89%.

Иначе переводит Гозвинский те же композиты в предложениях при баснях, нравственное содержание которых сводится к более практической теме взаимных или частных услуг:

91. ... мнози ради своея корысти и недругом своим добро творити (εὐεργετεῖν — 129) не ленятся.

Или еще подобный же случай, разве лишь осложненный стремлением избежать омофонических ассоциаций с соседним тавтологическим акцентом:

37. ... подобает добро творящим (τοῖς εὐεργέταις — 176) благодать за благодать воздаяти.

Но перевод греческих композитов не всегда связан и смысловыми границами греческого слова. Как пример — перевод разных морфологических образований на основе одного и того же корневого сложения: *ταλαι-πωρία*, *ταλαί-πωρος*, *ταλαι-πωρέω*, — означающих соответственно: «страдание» или «мучение»; «многострадальный», «несчастный»; «страдать» или «причинить страдания».

В части примеров перевод Гозвинского семантически эквивалентен, хотя и звучит несколько эмоциональнее, исполнен как бы бóльшими невгодами:

121. «Ох мне, безсчастному! И что мне случится, бедному?» (τί μοι συνέβη τῷ ταλαιπώρῳ; — 286).

107. ... не ревнива суть и нежелательная корысть, бывающая з бедами и тяготами (μετὰ κινδόνων καὶ ταλαιπωρίων — 194) — Q.

В том же эмоциональном ключе передано и одно из употреблений глагола *ταλαιπωρέω* («переносить страдания», а также «причинять страдания»):

108. Ослы некогда во еже частыми и тяжкими бремени бедствуеми (ἐπὶ τῷ συνεχῶς ἀχθοφορεῖν καὶ ταλαιπωρεῖν — 196) послаша послы к Зевесу — Q.

Но вот примеры, когда перевод этого же глагола расходится по иным смысловым направлениям, вплоть до выхода за пределы данного семантического поля:

16. Рыболовы. . . многое время трудишася (*ταλαιπωρήσαντες* — 21), не удювиша ничто же, зело скорбяху — Q.

54. Осел коня блажаще, по [неже] нещадно и прилежно бысть кормлен, осел же иногда ниже сламы имуще довольно и сего ради многажды себе отчаявся (*καὶ ταῦτα πλείιστα ταλαιπωρῶν* — 272). — Q.

Важно не просто отметить, что один и тот же греческий сложный глагол всякий раз переводится у Гозвинского различными корневыми образованиями. Существеннее, что этот перевод вбирает смысловые приращения из атмосферы ситуации или фабулы в целом, но далеко не всегда может быть принят эквивалентом самому греческому слову, даже взятому в составе словосочетания. И в то же время пословная симметрия греческого и русского контекстов очевидна.

Но поиски ситуативно наиболее оправданного перевода не исчерпывались подбором лишь того или иного аналога. Время от времени переводчик сталкивался с очень нелегкой необходимостью решить, какое значение

(с точки зрения семантического устройства русской лексики) вообще реализует данное словоупотребление оригинала, так как лаконизм греческого текста тут допускает и одно значение слова, и другое, а вернее — выражает их вместе, нерасчлененно. Тогда-то Гозвинский и прибегает к двойному переводу греческого слова. Но это не объясняющая глосса и не вариант перевода, — повторный перевод, никак не перебивая поступательного развертывания фразы, искусно включается в ткань русского текста и не дублирует первого:

81. Пчелы же от паствы с поля (ἀπὸ τῆς νομῆς — 74) возвращешия, нашедше на своего господина, жалами угрызаху его — *T*¹.

Но νομή — это или «пастбище», или «пастьба».

Понятно, что имена не столь конкретного содержания способны к еще более легкому синтагматическому сочетанию, например: ἡ κτηνία — «богатства стяжание» (55); πνεῦμα — «ветрянное дыхание» (100); ῥεῦμα — «течение струя» (37) и «течение реки» (101), и некоторые другие.

В глаголах, семантические границы которых менее четки, а смысловая структура сложнее и богаче, такие примеры много обычнее:

22. Возвращшу же съ повару и мяса ищущу и не обретшу (ἐπιζητοῦτος — 67).

ἐπιζητέω — и «разыскивать», и «не досчитаться».

135. Мул ячмени насыщся, отолсте (παχυνθεῖς — 285).

παχύνω — это и «откармливать(ся)», и «делать(ся) толстым, тучным», «жиреть».

Однако подобный перевод, в силу тех или иных психологических стереотипов либо резких акцентов, нередко уже и вообще не укладывается в границы лексических соответствий, к примеру в басне о Зевсе и черепаше:

97. И вознегодовав Зевес о глаголе сем, прокля ю и дом на себе держаши носити повеле (κατεδικάσε τὸν οἶκον βασιλέουσαν περιφέρειν — 108).

κατεδικάζω — это «выносить решение», «постановлять», даже «осуждать», но все же не «проклипать».

Такое смещение перевода уже смыкается с формами его внутреннего сюжетно-семантического (или даже идеологического) приспособления к психологии и представлениям русских читателей и выходит за пределы пословной соотнесенности с иноязычным текстом-источником.

* * *

Прямая, пословная соотнесенность с текстом-источником, при которой ни одна (или почти ни одна) лексически полновесная единица иноязычного оригинала не минует корреспондирующего ей отражения в переводном тексте, — это прежде всего технологическая основа и преобладающая норма перевода Гозвинского. Отсюда и полнота лексической передачи греческого оригинала, и обыкновенно неизбежная симметрия текстов, вос-

